№ 22
ИЮНЬ 1928 г.

СМЕХАЧ

№ 22
Цена 15 к.

Рис. М. Черемных

25-го мая в Кельне (Германия) открылась международная выставка печати. На выставке имеется павильон СССР.

С.С.С.Р.

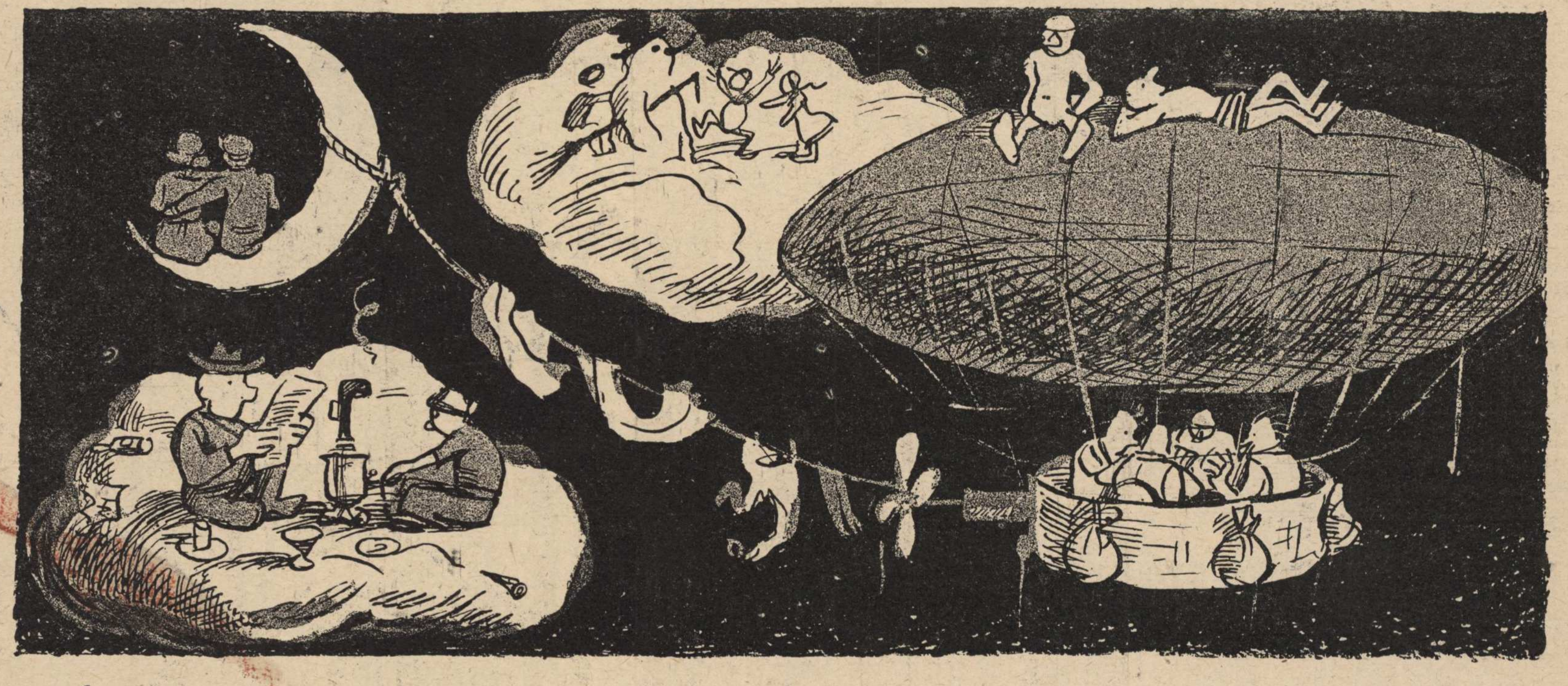
— ...А что вам больше всего понравилось в павильоне советской печати?

— Убитая физиономия редактора белой газеты.

Рис. Н. Радлова

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ

В Германии предполагается построить летающий дом отдыха

— А у нас кусок звезды арендован под зал для танцев!
— Подумаешь! А мой дядя на горизонте пивную открывает, да и то я не хвалюсь...

ВЕСЕЛЫЙ ГОРОД

Орловский губисполком издал специальное обязательное постановление, воспрещающее „различные бесчинства на территории губернии“. Учтя, очевидно, богатый местный опыт, исполком установил при этом примерный перечень „озорных действий“, подпадающих под понятие хулиганства. В списке фигурируют наиболее распространенные, обычные, заурядные бесчинства, которые стали, очевидно, бытовым явлением в этом веселом и симпатичном городе:

На территории Орла и Орловской губернии во всех общественных местах воспрещается:

публично, демонстративно отправлять физиологические потребности;

петь песни циничного содержания и произносить бранные, непристойные слова;

назойливо приставать к прохожим, бросать в них камнями, грязью, обрызгивать водой и плевать им на платье;

срывать и портить вывески, почтовые ящики, фонари, афиши, изображать рисунки непристойного характера и загрязнять нецензурными словами заборы, стены и скамейки;

издеваться над животными, умышленно пугать какими либо способами лошадей, подкладывать петарды под экипажи и стрелять из пугачей;

натравливать собак на людей, бесцельно стучать в окна, двери и звонить в звонки с намерением причинить гражданам беспокойство;

приставать к купающимся или катающимся в лодках на реке, учинять озорные поступки, мешающие зрителям или слушателям в местах культурно-просветительного назначения.

Краткая, но выразительная характеристика густого и отчаянного губернского бытия! До чего же дошло дело, если нужно специальное постановление и угроза штрафа и тюрьмы, чтобы люди не садились оправляться публично прямо под тротуарными тумбами в центре города, и не плевали прохожим на платье и не травили бы их собаками на улицах.

Родные картинки, милые, трогательные шутки! Хлопнуть из пугача над ухом лошади, чтобы она разнесла экипаж и искалечила седоков; снести все почтовые ящики в городе и наблюдать потом, ухмыляясь, как люди растерянно бегают, пожимая плечами, с письмами в руках, с одного угла на другой; вынырнуть неожиданно, гогоча во всю глотку, этаким голым волосатым чудовищем среди перепуганных детей в женскую купальню на пляже,— как забавно, как остроумно, как смешно!

И сколько хамства, дикости, грубости и неуважения к окружающим и к самим себе должно быть заключено в людях, которым посвятил губисполком это позорное постановление! Папуас какой нибудь, ашантай, дикарь с Сандвичевых островов — и тот сгорел бы, вероятно, со стыда, увидев собственную физиономию меж этих неповторимых строк!

Горят ли теперь со стыда орловцы — неизвестно. Скорее, думаю, они умиляются попечениями начальства.

Наши дни бывают таковы, какими мы сами их делаем. Немецкие рабочие, приезжавшие к нам с делегацией, увидев где то на московских воротах плакат — „Здесь останавливаться воспрещается“ — поспешили перейти на другой тротуар: они решили, что во дворе размещен склад динамита или золотое хранилище Госбанка.

Никто из них не улыбнулся даже, когда им раз'яснили настоящий смысл сего российского аншлага. Они недоумевающе пожимали плечами: ведь, только сумасшедшему человеку может придти в голову на глазах у всех оправляться прямо под воротами на тротуаре, в трех шагах от места, специально для этого предназначенного!

Положим, это были европейцы. Но вот у нас в дикой Абхазии, например, на Кавказе, где население почти поголовно неграмотно, где верят твердо, что деревья во время грозы загораются от стрел, пущенных пророком Ильей с неба, и, как во времена Авраама, приносят барашков в жертву божествам,— вы никогда не услышите бранного слова, никогда не увидите пьяного человека, никогда не встретите хулигана, который позволил бы себе обидеть слабого или оскорбить женщину.

Пьяного засмеют в ауле, его заклеймят общим презрением, осыпят его градом насмешек, отвернутся от него. За матерную брань здесь попросту пускают пулю в лоб; эта гнусная ругань считается самым тяжелым оскорблением в горах.

Тому, кто обидит женщину, или ребенка, или старика — остается только, оседлав лошадь, добром уехать поскорей из аула, где это случилось; он не найдет в этом ауле ни одного человека, который подал бы ему руку или ответил бы на его приветствие при встрече. Безграмотный, дикий народ — они умеют, однако же, уважать и себя, и окружающих людей; недостаток культуры восполняется в них необычайно развитым чувством собственного достоинства; и здесь жизнью, а не штрафом рискует каждый, кто захочет унизить это достоинство в человеке. Так организовали эти люди свой быт.

* * *

А орловцы, вынудившие свой исполком издать особое постановление, воспрещающее плевать прохожим в лицо и переворачивать лодки с людьми на реке? Какой мерой гражданских чувств и простого человеческого достоинства они обладают?

Скольких из тех людей, что расписывают гнусной бранью городские заборы, судили они общественным судом? Скольких из хулиганов, превративших в ретирады ограды памятников на площадях, выгнали они из своих профессиональных союзов, например? Скольких из шутников, обрезающих по вечерам электрические провода в клубах и кино, внесли они в черные списки на столбцах газеты?

Какой отпор они дали уличным готентотам в брюках клеш,

систематически отравлявшим их жизнь, их отдых, труд и покой? Как организовали против них общественное мнение?

Да никак! Русский обыватель не привык возмущаться и протестовать, когда ему плюнут в рожу, или оскорбят циничной бранью женщину, его жену, сестру, мать, с которой он идет по улице: с лица не воду пить, брань на вороту не виснет! Он предпочитает отойти, отершись, и сделать вид, что с детства страдает наследственной глухотой: оскорбишься — еще по морде дадут, пожалуй!

Самолюбие он издавна привык вместе с носовым платком держать в кармане! Ближний, которого для смеха, на глазах у всех, оплевывают на углу, ребенок, у которого гогочущие балбесы отняли покупку из рук, женщина, которую гнусно тискают в подворотне,— они могут обратиться в милицию! Частные граждане рыцарями быть не обязаны: для этого есть постовые на углах!

Орловцы, удивительные люди, долго и кротко терпели, отирая измызганные лица и толстовки, вдыхая ароматы испражнений на площадях, отворачиваясь от росписей на заборах и, по случаю оборванных почтовых ящиков, бегая с письмами на вокзал.

Они рассуждали, как щедринский писарь, что покуда на свете существует начальство, самим им волноваться житейскими вопросами нет никакой нужды: начальству виднее! Начальство разберет, начальство примет меры! Начальство, когда найдет нужным, пресечет!

И, увидев, что скорее Ока потечет вспять, нежели уважаемые орловские граждане хоть пальцем шевельнут сами, чтобы вылезти из того состояния омерзительного и дикого хамства, в котором погрязли,— начальство приняло, наконец, меры, и издало сей потрясающий приказ о „бесчинствах".

Орловцы дождались! Они могут гордиться своим городом, первым городом в мире, я думаю, стены которого украшает плакат: гражданам плевать друг другу в лицо здесь воспрещается!

А. Зорич

ЧЕЙ ТОРМАЗ ЛУЧШЕ?

„Смехач" не считает себя специалистом по сложным вопросам техники, но „Смехач" считает себя хорошим гражданином и поэтому вмешивается и заявляет:

— До каких же пор ценнейшее изобретение целого ряда отделов НКПС не получит признания, одобрения и воздаяния по заслугам?

По принципу арифметических задач для младших классов: „путник А вышел из пункта В одновременно с путником С, вышедшим из пункта Д..."—два изобретателя в СССР начали работать одновременно. —

— 1) Изобретатель — рабочий Матросов над тормазом, играющим колоссальное значение в тех областях, где нужен хороший тормаз;

— 2) Некоторые отделы НКПС стали изобретать особый бюрократический тормаз, играющий тоже колоссальную роль в тех областях, где не нужен даже и плохой тормаз.

И что же? Одиночка-изобретатель сразу же потерпел крах перед силой и техникой коллективного изобретателя:

— Не успел еще Матросовский тормаз затормазить хотя бы один рычаг или колесо механического аппарата, как был сам моментально заторможен идеальным бюрократическим тормазом, изобретенным в НКПС и годным в любой момент приостановить все рычаги и колеса рабочего изобретательства.

Спрашивается:

— Какой же тормаз лучше?

Матросовский ли тормаз, который можно пустить в ход лишь после годов работы над ним, долгих месяцев хождения по канцеляриям, мытарств, волокиты и отчаяния, или энкапеэсовский действующий сразу, безошибочно и без всякой подготовки?

Так почему же, — спрашивает „Смехач",— теперь, когда советская общественность горячо взялась за это дело, печатаются портреты изобретателя Матросова, его биография и подробности об его изобретении и в то же время мы не видим нигде:

— портретов изобретателей бюрократического тормаза из НКПС,

— их биографий,

— подробностей их изобретательства.

„Смехач" справедлив — он готов поместить все это на своих гостеприимных страницах: пусть каждый получит по своим заслугам.

Шире дорогу изобретателям тормазов для рабочего изобретательства! А куда дорогу — об этом „Смехач" скромно умалчивает...

С О С Е Д И

Рис. Кукрыниксы

За отсутствием помещений вузовцы ночуют в ночлежках.

„НАСТОЯЩИЕ" НОЧЛЕЖНИКИ (указывая на готовящихся к экзамену вузовцев):—Эти зухеры на каком-то своем блатном языке говорят: „Икс, игрек, зет, интеграл да дифференциал"!..

САМОУБИЙЦА

В ста шагах за утесом из бурого сланца гомонил голосами весенний пляж, и ранние смельчаки с диким гоготом окунали в колючую воду одряблевшие за зиму животы.

Но здесь было пустынно и тихо и налицо были одни элементы природы. Песок, солнце, море и участковый надзиратель Чумак, голый, дюжий, но в форменной шапке. Был еще собеседник, тоже голый, но щуплый, в очках, и лежал он в феске, „вверх воронкой“, уткнув нос в кулаки.

Чумак строго щурился на морской горизонт, подставлял шипящей волне заскорузлые пятки и решительно осуждал природу:

— Не нравится это мне, — говорил он строго и веско, водя пальцем по вселенной, — ни моря эти ваши, ни погода... Беспорядок один через них.

— У нас в Пензенской ничего нет этого. А тут, — на тебе: волна всякая бьет куда хочет; грязь и раков кидает; сорит почем зря... Идешь мимо, на казенную форму тебе плеснеть и взыскать тебе не с кого...

Чумак сплюнул, покрутил головой и горько признался: — Прямо скажу, — беспокойный климат. Хуже всякого пьяного и...

Надзиратель запнулся, вытянул шею и прислушался.

— Ага! — с торжеством сказал он, вставая с песка, — ну, что я вам говорил? Слышите, как кричат? Не иначе происшествие? Айда, что ли... Вмешаемся!

Щуплый встал, поправил очки, и друзья мелкой рысью побежали на крики.

* * *

По узкому пляжу взад-вперед скакал со штанами в руках свирепый юноша и сердито кричал на купальщиков: — Попрошу не мешать! Я дежурный член „Снава“! Где лодка? Умоляю, спокойно!

Затем впрыгнул в штаны и куда-то исчез, не досказав, кто же собственно помешал ему в исполнении дежурного долга. Перепуганные купальщики толклись по колено в воде, кричали и махали руками, и тотчас же подбежавший Чумак увидел в десяти саженях от себя на ленивой, зеленой, огромной волне чьи-то пухлые плечи и мокрую лысину.

— Разойдитесь! — загремел по привычке надзиратель, но вдруг осекся, покрылся фуражкой и присел на песок, стыдливо глядя на визжащих купальщиц.

Тогда щупленький человек лихо сбросил очки, поплевал на сухие ладошки и крикнув — „Держись!“ — щучкой кинулся в воду.

Толпа замерла. Худоребрый пловец, в пять отчаянных взмахов доплыв до утопавшего, радостно закричал: „Ого-го-о!“

Погибавший толстяк ухватился за шею спасителя, нырнул с ним под волну и вдруг, выскочив из воды сразу по пояс, с протяжным и хриплым воплем неумело поплыл прочь от берега, подымая фонтаны, подвывая и булькая.

— За волосья его! За воло... — загорланил в ажитации Чумак, не отнимая, однако, фуражки. Но мохноногий брюнет в простыне печально сказал:

— Нельзя. Их же нету. И он вовсе не хочет спасаться. Он плывет на Батум...

И, действительно, к изумлению толпы, только что погибавший толстяк лихо плыл от спасителя и нырял словно утка, ускользая от его нагонявших об'ятий.

В это самое время загорланили сзади с обрыва, и безумные молодые люди с якорями на шапках, с баграми, кругами и веревками, козлиным галопом спустились с обрыва на пляж.

* * *

После целого часа возни, криков и плеска, сумасшедший толстяк был выужен из воды вместе с посиневшим от устатка и злости спасителем. И пока тот, схватив очки, убежал за утес одеваться, дрожащий неудачник покорно сидел на брезенте, дробно стучал зубами и скромно поблевывал тонкими струйками.

— Ваше фамилие, гражданин? — строго спрашивал его овладевший событиями Чумак. — В чем причины несчастья и с чего, не спросясь, утопали?

— Я ж не сам, — беспокойно озираясь, ответил спасенный, — меня волна сбросила...

— Но вы же топились?

— Здравствуйте. Я буду ему топиться. А кто же завтра товар пойдет выкупать? Вы?

— Гражданин, не морочьте сознания, — рассердился Чумак, — как вы смели топиться и плыть от него?

— Плы-ыть? Да я в жизни не плавал. Спросите всю улицу. Плыл! Да что я, корабль?

— Вот дойду я сейчас до штанов, да возьму сейчас книжку, да как вас оштрафую...

— Да за что? — умоляюще спросил лысый, — я тонул, да с меня же еще три рубля! . Я нечаянно... Попробуйте-ка сами хорошенечко утонуть...

— Ну, как вы еще неопытный, — подумав, решил Чумак, — то для первого раза прощаю. Но поимейте в виду, — тонуть строго предписано. Другой раз не спущу, а то и наследников оштрахвую.

Толпа, досыта наглядевшись на самоубийцу, медленно расползлась по песку; солнце, вынырнув из-за облака, подмигнуло и зажарило пуще прежнего. И тогда мохноногий печальный брюнет тихонько спросил толстяка:

— А кто сказал вам, что вы не умеете плавать?

— Сроду. Но вы знаете, как я его увидал, так сам собой поплыл...

— А чего ж вы его напугались? Что он тигр? Или крокодил?

— Хуже! — быстро шнуруя ботинки, ответил толстяк, — это ж наш фининспектор со второго района. Прямо, знаете, счастье, что он бросился без очков... У меня же за полгода не плочено...

— Со второго района? — переспросил брюнет. — С моего района? Ну, когда так, то я тоже бы поплыл... Хотя тоже не плаваю.

И схватился за брюки.

Леонид Саянский

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ РОЗНЬ

Рис. Б. Малаховского

Состоялся диспут о новом человеке.

ПРЕДКООПА: — Я новый человек! Я — все могу сделать!

ОН-ЖЕ (у пустой кассы): — Человек я новый... Что я могу сделать?

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

(Из цикла „Коротенькие рассказы“)

У пятилетнего Коки есть только папа и бабушка. Мамы у Коки нет. Она, как сообщил папочка, давным-давно умерла.

Папу Кока видит только по вечерам, когда папа забегает перед уходом на заседание к сыночку на минутку. За эту минутку Кока выуживает у папы самые разнообразные сведения.

— Папка! А кто этот дядя с бородой на стенке?

— Это Карл Маркс, Кокочка.

— А где он служит?

— Он нигде не служит. Он теперь умер. А при жизни он писал умные книги.

— С картинками, да?

— Нет, Кокочка, без. Но те, кто читали его книги, делали потом много хорошего.

— Папка! А что это у тебя за книжечка в кармане?

— Это билет из Союза безбожников, сынок.

— А когда я стану безбожником?

— Когда вырастешь, милый!

— А я вчера видал царя! — таинственно сообщает Кока.

— Какого царя?

— Обыкновенного, каменного, которое пугало. А где он служит теперь царь?

— Нигде, Кокочка! Он умер, а сына его убили. И отца его убили. А убили их за то, что они были плохими людьми. Они мучили хороших людей.

— А девочка из пятого номера мучит хороших кошек. Ее тоже убьют, да?

* * *

Папа смотрит на часы и, не отвечая на последний вопрос, целует сына и уходит на заседание. Кока же направляется к бабушке для дальнейшего самообразования.

— Бабушка! А где те, которые умерли?

— Хорошие, Кокочка, в раю, а дурные — в аду.

— А мамочка где?

— Мамочка в раю. Она была хорошая.

— А что они делают в раю? Служат или торгуют?

— Они ангелы, Кокочка.

— А в каком союзе ангелы? Они безбожники, да?

Бабушка испуганно крестит внучка.

— Христос с тобой, Кокочка! Где это ты такие слова слышал?

* * *

Кока страшно рад, что поразил бабушку. Впрочем, откровенно говоря, он не понимает, что собственно такого он сказал. И он допытывается дальше.

— Бабушка! А где помещается рай?

— На небе!

— Значит, туда на иропланах едут, да? А где ад?

— В преисподней. Глубоко, глубоко в пропасти.

— Это там, где уголь копают?

Бабушке надоели эти вопросы; она сердито машет рукой.

— Ну, Кока, спать!

Кока нехотя раздевается и так же нехотя складывает ручки ладонь к ладони.

— Молиться боженьке надо?

— Конечно, Кокочка!

И Кока, засыпая, шепчет:

— Боженька, сделай так, чтобы я поскорей вырос и стал, как папа, безбожником. И еще сделай так, чтобы я, когда умру, полетел бы на ироплане в рай...

* * *

Кокочка заснул. А во сне он видит, как в раю хорошая мамочка встретилась с хорошим дядей Карломарксом, и как оба они отправляются в ангельский союз. И еще снится Коке, что девочка из пятого номера вместе с царем-пугалом носят уголь в мешках, и что все это происходит в аду, где так же страшно и грязно, как на том самом заводе, куда однажды папочка повел Коку, и где Кока заплакал, просясь немедленно домой.

И. Матвеев

„ПАСЫНКИ НАРПИТА“

Рис. Кукрыниксы

МОЙТЕ РУКИ ПЕРЕД ЕДОЙ

— Хорошо, что перед едой, а не после. Пришлось бы с немытыми руками по месяцам ходить!

НЕОСТОРОЖНЫЙ ТРЕСТ

Рис. Н. Денисовского

— Проигрались?

— Что вы?! Просто — не доглядел за моим трестом, а он возьми да пожертвуй деткомиссии пять тысяч рублей за какие-нибудь полчаса...

Ни в како
мере нельз
оправдат
существова
ние клубо
с азартным
играми тем
что доход о
них идет н
цели детко
миссии.

ОН БЫЛ ТИТУЛЯРНЫЙ СОВЕТНИК...

Приятный отдых я найду
В зоологическом саду.
Там развлекусь я с полным правом:
С врагом моим, с начальством, с завом
Я счеты тайные сведу.
Вот, торжествующий заране,
Я приближаюсь к обезьяне.
— А! — говорю: — Привет, дурак!
Ну как тебе сидится в клетке?
(И сам хихикаю в кулак) —
Вокруг толпа: старушки, детки,
Суют орехи и конфетки...
— Ну, Петр Васильич! — говорю
Я, обращаясь к обезьяне,
И тайной радостью горю
И вижу клетку, как в тумане...
(А Петр Васильич — это зав,
Начальник мой, моя гроза,
Мой враг. Я мышь. А он кто? Кошка.
Мне опостыла мышья роль.
Он зав. Он туз. А я? Я — сошка.
Пустое место. Некий ноль).
Но перед клеткой обезьяны
Все устраняются из‘яны.
Я победитель. Да. Ура!
Стою, гляжу, от счастья пьяный, —
Воображения игра!
Я сделал зава обезьяной...
— Ну, Петр Васильич, как живешь?
Ну, где твоя былая слава?
Тут оглянулся я направо —
Меня пронизывает дрожь...
Вот тут же, близко... Рядом, рядом,
Среди цветков, букашек, трав,
Мерцая золотистым взглядом, —
Мне прямо в спину смотрит зав!
И сразу — не прошло минуты —
Я побледнел до самых икр...
Но... ах!.. ошибка... фу-ты, ну-ты...
Простое сходство... это тигр!

Зубило

НЕВЫДЕРЖАННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Рис. К. Ротова

ПЕШЕХОД

И когда вся скудная обстановка была уже распродана, когда ...жакт принял сторону квартирохозяйки, когда в кармане у Лимонадова осталось только сорок семь копеек, он надел на спину мешок, взял в руки огромную дубину и купил на вокзале билет до ближайшего городка.

Приехав в городок, он направился прямо в уисполком, где обратился к одному из товарищей:

— Скажите, на каком градусе широты и долготы я нахожусь?

Исполкомец вытаращил удивленные глаза:

— В чем дело, товарищ? Кто вы такой?

— Я пешеход-турист! Моя задача обойти весь Союз, чтобы воочию убедиться во всех достижениях. Интересуюсь этнографией. Нет ли у вас каких нибудь этнографических диковин?

— Есть! Чем мы хуже других? — ответил туземец, пожелавший поразить туриста.— Вон напротив, где коза стоит, дворец культуры, а налево будет столовая. Опять же ветеринарный врач у нас герой труда и много прочей этнографии.

Лимонадов записал все это и продолжал:

— А любопытно было бы узнать, как у вас поставлено народное питание? За все время своего путешествия я видел только одну образцовую столовую. Это было на Памире...

— Зря вперед хулите! — обиделся туземец.— Пойдемте в наш нарпит. Накормим, что надо.

В столовке пешеход привлек всеобщее внимание. Но исполкомец, втайне гордившийся, что он первый обнаружил Лимонадова, отгонял назойливых соседей.

— Приходите во дворец культуры! Там товарищ пешеход поделится своими впечатлениями.

И все последовали за Лимонадовым во дворец.

— Разуйтесь, тов. пешеход!—заинтересовался кто-то из уголка безбожника.— Небось от ходьбы мозолищи в кулак вскочили.

— А, извиняюсь, какая температура в тайге и есть ли там кенгуру? — спросил счетовод Зыбин.

— Может быть, в буфет пройдете?—предложил заведующий дворцом.

Лимонадов, окруженный толпой, направился к буфетной стойке, где буфетчица налила ему стакан вкусного кофе и, смущаясь, попросила:

— Напишите мне ваше факсимиле. У меня такой альбом имеется. Можно?

Лимонадов с шиком расписался:

— „Пересекая этот кантон, я в восторге от местных бытовых условий. Пешеход по СССР Лимонадов."

— Товарищ пешеход! — обратился к Лимонадову уисполкомец — А не прочтете ли вы нам лекций о вашем путешествии?

Лимонадов согласился и вечером предстал перед огромной аудиторией, которая жадно ловила каждое слово пешехода. О чем только он не говорил?

Он говорил о крымских толчках и о нежинских огурцах, о том, как гостеприимны абхазцы, подарившие ему в дорогу три четверти вина, и о том, как алданские старатели делились с ним последним куском хлеба. Ах, как чутко относится население к отважным пешеходам!

А закончил он свою речь так:

— Не только своей собственной рукой, но и собственной ногой можно расширить свой кругозор!

После этого раздались аплодисменты, и заведующий дворцом сказал:

— Если где то в медвежьих уголках население так горячо приняло нашего гостя, то неужели же мы, находящиеся в пятидесяти верстах от культурной столицы, не покажем своего одобрения?

И снова все приветствовали Лимонадова.

А рано утром Лимонадов с полным мешком на спине и распухшими от серебра карманами сел в поезд, который быстро довез его до следующей станции, где все повторилось со вчерашними подробностями.

И вряд ли думал Лимонадов о том, что буфетчица из дворца культуры всю ночь рассматривала его автограф, и что ей чудились глухая ночь, тайга, северное сияние и безумно-смелый пешеход, убивающий голой рукой королевского тигра.

М. Коварский

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

— Почему у вас в „низах" актива мало?
— Потому что в „верхах" пассива много!

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ РЕЧЬ

Рис. Л. Бродаты

— Итак, товарищи, давайте строить экономно,—с таким расчетом, чтобы никому из нас больше года не дали.

ПАЛКА

Провинция.

На площади Карла Маркса стоит милиционер Архипов. На правом боку у него привешен револьвер с красным шнуром, на левом—красная палка в кожаном футляре. Точно у стрелочника флаг.

Архипову скучно.

— Ээ... Оо... Ээ... Оо!— кричит вдали пастух Николай в белой холщевой рубахе. Щелкает бичем, гонит впереди себя пыль поднимающее стадо. Заспанные хозяйки, кое как накинув платки, заслышав пастуха, выпускают коров.

— Почтение Иван Филипповичу! — хрипло кричит пастух, приветствуя Архипова.

— Здравствуй!

— Пасешь свое стадо!—ухмыляется пастух, показывая протабаченные зубы.— Паси, паси.. Только палка вот эта к чему?

Палка для Архипова—больное место.

— Как к чему? Единообразная милиционная форма. Как в городе Москве...

— Москве!—хрипит пастух.— Нам еще до Москвы сто лет жить надо... А ну, пошли, пошли!

Опять Архипов один. Он вынимает палку и, качая головой, смотрит на нее. Никак ее в ход не удается пустить. Никакого движенья.. Пустые места!

Фельдшер Козаков, которого за хромоту зовут „рупь двадцать, рупь двадцать", отворяет ставни.

— Товарищу Архипову! Палочкой любуешься?

— Городишко какой дрянь у нас. Даже регулировать ей нечего.

— Не Москва! Теперь она тебе бесполезная, вроде чревообразного отростка...

— Какого? — подозрительно переспрашивает Архипов.

Нет ли тут оскорбления? Как никак при исполнении служебных обязанностей. Сразу можно: „пожалуйте в отделение!"

— Чревообразного!— смеется фельдшер, подтягивая штаны.— Есть у нас такой бесполезный отросток. От засорения его апендицит бывает...

— Апендицит... — бормочет Архипов и отходит.

Через час подбегает к Архипову гдажданка.

— За справкой,— решает он и спрашивает:

— Вам уоно, собес, соцстрах?

— Нет. Что вы! - кокетничает она.—К чему такие слова? —Я почти девушка... Я очень, очень прошу вас посмотреть: с кем пойдет телеграфист Помигалов— с Пешкиной или...

— Сплетнями, гражданка, не занимаемся!—сурово обрывает он ее.— Проходите!

Вдруг с одной стороны показываются пожарные. С белым флагом, что значит репетиция. С другой стороны едут возы мужиков на базар. Столкновение! Задержка пожарным? Архипов преображается, он выхватывает красную палку и высоко поднимает ее для мужиков. Лицо его сияет, глаза полны торжества. Наконец то!

Но мужики, не понимая знака, едут и едут. Архипов опускает палку и, грозя мужикам кулаком, кричит:

— Стой! Стой! Стой, вот я вас!..

При виде кулака возы останавливаются тотчас.

Проносятся пожарные на блестящих, только что выкупанных лошадях.

— Что ж вы, черти!—кричит Архипов на мужиков.— Знака что ли не понимаете? А еще граждане называетесь!

Мужики в пыльных шапках оправдываются:

— Не понимаем. Мы думали ты шутишь. А кулак потом враз поняли...

— Кула-ак...—недовольно бормочет Архипов.—Тут легурятор специальный, а они кулак. Проезжайте, граждане!..

* *
*

Вечером пастух опять гонит стадо. Коровы мычат. Хозяйки встречают их у открытых калиток.

— Пасешь свое стадо?—хрипит с пыльными ресницами, бровями и грязной бородой пастух Николай.

— Пасу,—говорит Архипов.— А между прочим, когда обедать ходил, слышал в Кобеляках уж автобус появился. Автомобиль, машина такая. .

— Врешь?

— Вот те и вру!—и восторженно добавляет:

— Десяток курей, говорят, задавил, корову подмял. Скоро и у нас уисполком автобус покупает... Ну, тогда... Тогда...

Он туже подпоясывается, передвигает палку с боку на живот.

— Тогда и на нашей улице будет праздник!

Вл. Тоболяков

ЖАЛОБНАЯ БИБЛИОТЕКА

Рис. Б. Малаховского

— Еще годик заведывания магазином, —и моя библиотека не уступит публичной.

БОС
Сокращенный

Подчиняясь веянию времени, Бос сегодня выходит в сокращенном виде, несколько отделов отменено в порядке рационализации, несколько выкинуто в порядке самокритики, а часть отделов в отпуску, по случаю летнего периода.

Для недовольных читателей в следующем номере будет открыта специальная „Жалобная книга".

НА СТЕНУ ЛЕЗЕТ
Рис. А. Р.

— Говорят, говорят о культурной революции, а наши сотрудники до сих пор на стенах всякие гадости пишут!..

В „ТЕТЮШАХ"

В столицах шум,
гремят витии,
Кипит словесная
война...
Н. А. Некрасов

**В столицах шум. В пылу
дискуссий
Куется быт на новый лад.
А там — в уездном захолустьи
Едят и спят, плодя ребят.**

**Фома Кузьмич перед зарею,
Клопами мучимый, встает,
И волосатой пятернею
Скребет затылок и живот.**

**И те же страхи, сплетни,
бредни,
И кумушки, и кумовья.
И злоба дня, скандал
последний:
В гославку с улицы намедни
Забралась местная свинья.**

Д. Ценвор

К ПРИЕЗДУ М. ГОРЬКОГО

В кооперативе „Смерть частнику" получены: английская горькая, ликер „Горький миндаль", конфеты „Maxim", печенье „Сорренто", папиросы „Окуровские", семга „Самгинская", колбаса „Страстимордасти" и свежая сметана, только что доставленная по Ярославской жел. дороге на „Максиме".

ГИПНОЗ или ВНУШЕНИЕ

заставляют многих переплачивать деньги, покупая „Смехач" в розницу, когда выгоднее — подписаться! Безумцы, опомнитесь!

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Заседание в Нарсуде сегодня началось во-время.

СТРАХ ПЕРЕД БАЛЕТОМ

Задача на сообразительность:

— Что может испугать работника комсомольского райкома?

Не пытайтесь отделываться детскими ответами вроде:

— Пьяный мертвец. Землетрясение на диспуте. Слон в трусиках.

Все это мелочи. Мы знаем настоящий, фактический ответ

— Балерина.

По крайней мере, в одной из речей на комсомольском с'езде мы читаем:

„В РАЙКОМ ПРИШЛА ЮНАЯ БАЛЕРИНА. И РАБОТНИК РАЙКОМА С УЖАСОМ ВОПРОШАЕТ: „А МОЖНО ЛИ ВООБЩЕ БАЛЕРИНЕ БЫТЬ КОМСОМОЛКОЙ?"...

Это был наверное тот самый впечатлительный молодой человек, который, услыхав однажды, что у балерин бывают „стальные носки", неожиданно воскликнул:

— Вот здорово! А у нас-то какие носки: проносишь три месяца и выкидывать приходится...

В ПОРЯДКЕ САМОКРИТИКИ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ „СМЕХАЧА"

I.

Тов. редактор!

Мне очень не понравилось в одном из отделов „Боса" помещенное там странное об'явление о том, что „требуется зубной врач, хорошо знающий огородничество, а также бойко играющий на гармонии".

По моему, это очень неестественно и, может быть, даже выдумано.

Разрешите мне по этому поводу, как постоянному подписчику „Смехача", порекомендовать вам для помещения текст такого требования, присланного на Биржу Труда (беру из газ. „Труд" № 110-2147):

Государственный художественный музей по коневодству просит прислать „коноводчика-зоотехника, он же художник по специальности портретов лошадей и картин".

Прибавьте к этому еще игру на гармошке и знание огородничества—и получится гораздо смешнее, но более правдоподобнее, чем об'явление из вашего „Боса".

Простите за совет

И. Хрячков

II.

Редактор!

Мне ненравица ваша „Смихачина". Ни сурьезно. Что за вопрос: „Пачему никричите када другим рвуть зубы?" Нужно сириозние, как например, в „Пионерс. Правде" (номер № 38 (101).

1) Почему не больно, когда стригут ногти и волосы?

Тут нужно думать и думать. А почему правда не кричать, когда рвуту других зубы?

С. Хлупин

III.

Гражд. редактор!

В вашем приложении об играх и забавах на дому, разосланных к „Смехачу", вы очень и очень (подчеркиваю это) не полно осветили весь цикл (cikl) домашних развлечений, довольно несерьезно (подчеркиваю это) скрыв от читателей наиболее увлекательные.

Вот, например, на днях, одна из газет, рекомендуя в качестве полезной забавы бросанье штопальными иголками в дощечку, добавляет:

„Вместо иглы можно взять старое перо, сломать у него одну половину носика и наткнуть его на бумажные крылья.

При игре будьте осторожны, и не пораньте себя и товарищей".

Стыдно, гражданин (подчеркиваю это) редактор!

Е. Рыпачева

СПИЧКОПОКЛОННИЧЕСТВО

Сектантство, повидимому, начало пускать глубокие корни среди несознательных масс.

К прежним сектам: дыропоклонников и огнепоклонников прибавляется еще новая:

— Спичкопоклонники.

Лидером этой секты, повидимому, является поэт В. Казин, который декларирует новую веру так:

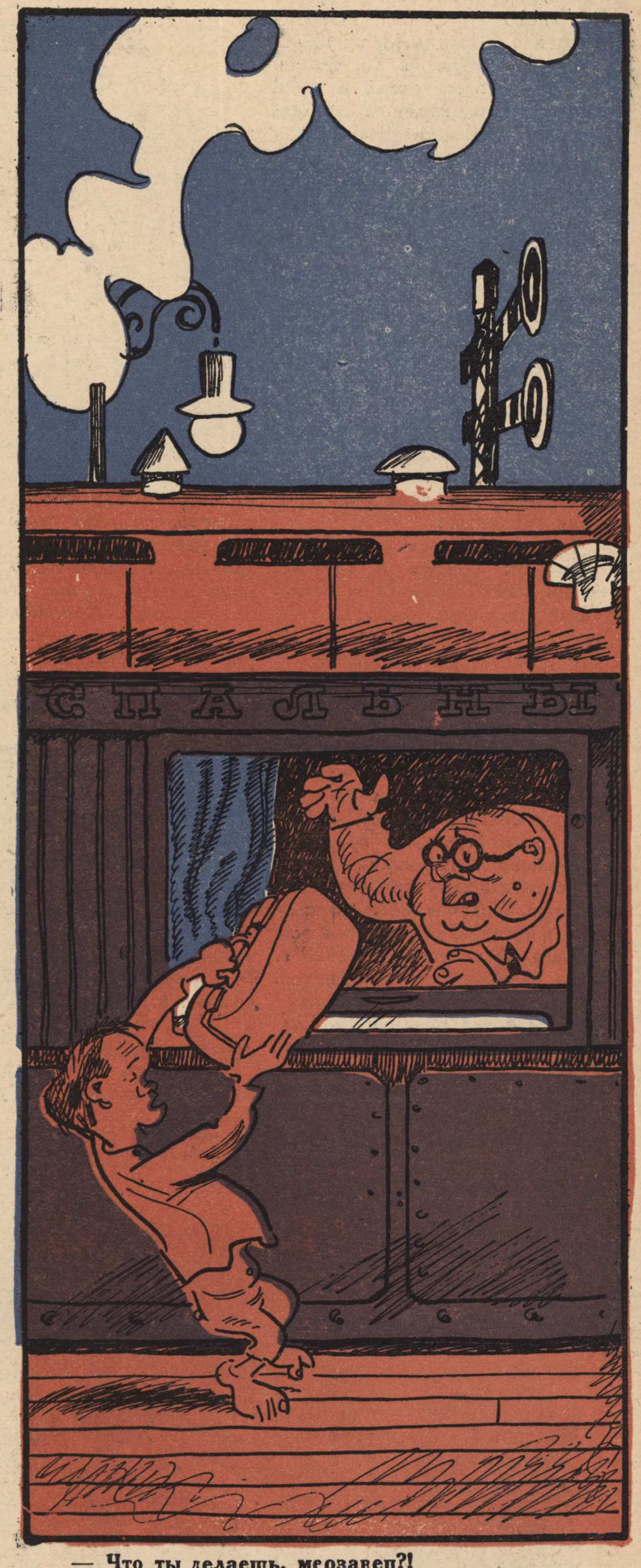
Привычка к спичке — искорка привычки
К светилам истинным. Но спичка мне люба
Не менее — и потому люба,
Что чую я обличий переклички,
Что чую: в маленьком обличьи спички
Таится мира пестрая судьба.

„Смехач" по этому поводу рекомендует при покупке спичек — требование свое формулировать так:

— Дайте мне десяток папирос и коробочку пестрых судеб!

СРЕДСТВО ОТ ОЖИРЕНИЯ

Рис. К. Ротова

— Что ты делаешь, мерзавец?!

— Не все ли вам равно, где потерять пуд: здесь или в Кисловодске?

ХОРОШАЯ ПРОФЕССИЯ

У справочного бюро курортного правления Наркомздрава я встретил Мишу Курткина. Несмотря на то, что он был в роговых очках и щеки его отвисали, как у откормленного бульдога, я узнал его и радостно приветствовал:

— Свинья разжиревшая, здорово!

Курткин посмотрел на меня, весело вскрикнул:

— А-а!— и бросился мне на шею.

— Так-то... Наконец, встретились... Сколько это лет мы с тобой не видались?—спросил он у меня, когда мы присели в театральном садике на скамеечке.

— С 1921 года,—сказал я.

— Совершенно правильно, с тех пор, как меня эвакуировали с фронта...

— Да, как раз с тех пор, когда ты садился с крыльца штаба нашей дивизии на коня... Помнишь, я еще предлагал тебя подсадить, а ты крикнул: „Я сам", подвел коня к крыльцу и только хотел сесть, как конь чесоточный упал и придавил тебе ногу...

— Вот, вот,— перебил меня Курткин — значит, меня эвакуировали и, опасаясь за свою ногу, я попросился в Москву. В Москве я месяца два пролежал в больнице. Кормили сносно, а по тогдашнему времени даже хорошо. Получив обмундирование, я постарался попасть в дом отдыха. А весной уж в 1922 г. меня направили в Крыммисхор. Кормили хорошо, обслуживающий персонал приличный. Глубокой осенью приехав в Москву, я пошел в врачебную комиссию при ЦК и получил путевку в Сухум. В 1925 году пришлось ехать в Кисловодск, Ессентуки. Глубокой осенью в Гагры,— кормят там хорошо, обслуживающий персонал приличный... В общем, до 1926 года меня лечили и все обстояло благополучно. Зря жаловаться нечего, раз даже посылали на рижское взморье. Но вот с 1926 г. каждую путевку приходится вырывать с боем... А в прошлом году весь год пришлось околачиваться по домам отдыха Марино, Усково, Лысково. Правда, кормят там хорошо и обслуживающий персонал приличный, но пойми — после пейзажей Кавказа и Крыма... В этом году... Сколько сейчас времени? Второй час!— ответил он сам себе, посмотрев на браслетку своих часиков, и продолжал:

— Если они меня сейчас не пошлют в Кисловодск, а оттуда в Гагры, то я им такую самокритику закачу...

— Слушай, а где ты служишь?— осведомился я у него.

— Ты с ума сошел, где же мне служить, когда я все время лечусь? Вот отремонтируюсь, как следует, отдохну,— тогда, пожалуйста, и от службы не откажусь... А то если мы героев гражданской войны, не дав им как следует оправиться, начнем мотать...

Он еще раз пожал мою руку и уже на ходу спросил:

— А ты куда собираешься на лето?

— Возможно, в июне поеду в Балаклаву.

— Вот хорошо, — значит, встретимся. Я в июне приеду погостить в дом отдыха текстилей. Кормят там хорошо, обслуживающий персонал приличный.

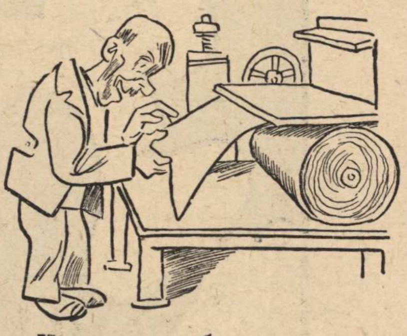
И Миша Курткин, посмотрев на браслетку своих часиков, подпрыгнул, помахал мне правой ручкой и, несмотря на 6-ти пудовый вес свой, мелкой рысью побежал во врачебную комиссию.

Б. Левин

БУМАГА ИЗ БОЛОТА

Рис. А. Р.

Рабочий Компанеец изобрел способ получения бумаги из болотных растений. Испытательные станции до сих пор не дали отзыва об этой бумаге.

Из одного болота он получил сотни пудов прекрасной бумаги,

а из другого болота он даже маленькой бумажонки получить не мог.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Журнал „Читатель и писатель" поместил критический отзыв о книжке рассказов Н. Тихонова „Шесть туманов".

В этом отзыве, между прочим, говорится:

> *... есть что-то в рассказах обобщающее: все эти типы из действительной жизни и события смотрятся, как нечто, навсегда от нас уходящее, растворяющееся в туманной дымке, в „шести туманах".*

Но интереснее всего то, что в своей книге рассказов Н. Тихонов говорит не о туманах — атмосферных явлениях, а о туманах — персидских деньгах!

„Читатель и писатель" сокращенно называется ЧИП.

Для некоторых рецензентов, не читающих того, о чем они дают отзывы, это сокращенное ЧИП расшифровывается так:

— Читать—извините—предрассудок!

*

Отрывок из рецензии о пьесе „Когда поют петухи" („Современный Театр", № 16):

> *В спектакле играет—современный костюм. Пиджак, визитка, сюртук, пальто, котелок—делаются об'ектом сценической эстетики и обыгрываются актерами, как максимально - театральные вещи*

О некоторых модных пьесах можно сказать:

Актер — обыгрывает.
Сюртук — поигрывает.
А зритель — проигрывает...

*

О трогательной любви к книге пишет поэт М. Светлов в только что вышедшей однодневной газете „Книга Молодежи":

Я книгу, как девушку,
Ставлю на полку,
Я нежно платком
Вытираю ее...

Хорошее обращение с книгой — достойно всяческих похвал, но зачем же так плохо обращаться с девушкой заставляя ее торчать на книжной полке?..

*

В Ленинграде вышла „Литературная Газета". Григорий Сорокин так описывает на ее страницах авиатора и его даму:

И никому не приснится,
Что отвесно и зло
Пилот поставил крыло,
И целясь на реи, и рея
Над оранжевой оранжереей
На Бранденбургской тропе
Разбились они,—и т. п., и т. п.

Уж сколько раз мы твердили редакторам газет и журналов: не печатайте стихов, в которых нет никакого смысла, а есть только набор слов, оригинальничанье, претензии,— и т. п., и т. п.

*

> *... Дальше — город Саратов, Сталинград... От Сталинграда идут знаменитые Жигули... За Саратовом — Царицын...*

Так пишет Эсбе в статье „Поездка по Волге — лучший отдых" (смотри „Прожектор", № 19).

Сколько веков Жигули стояли неподалеку от Самары и вдруг — по воле Эсбе — в 1928 году переехали вниз по матушке по Волге к Сталинграду!

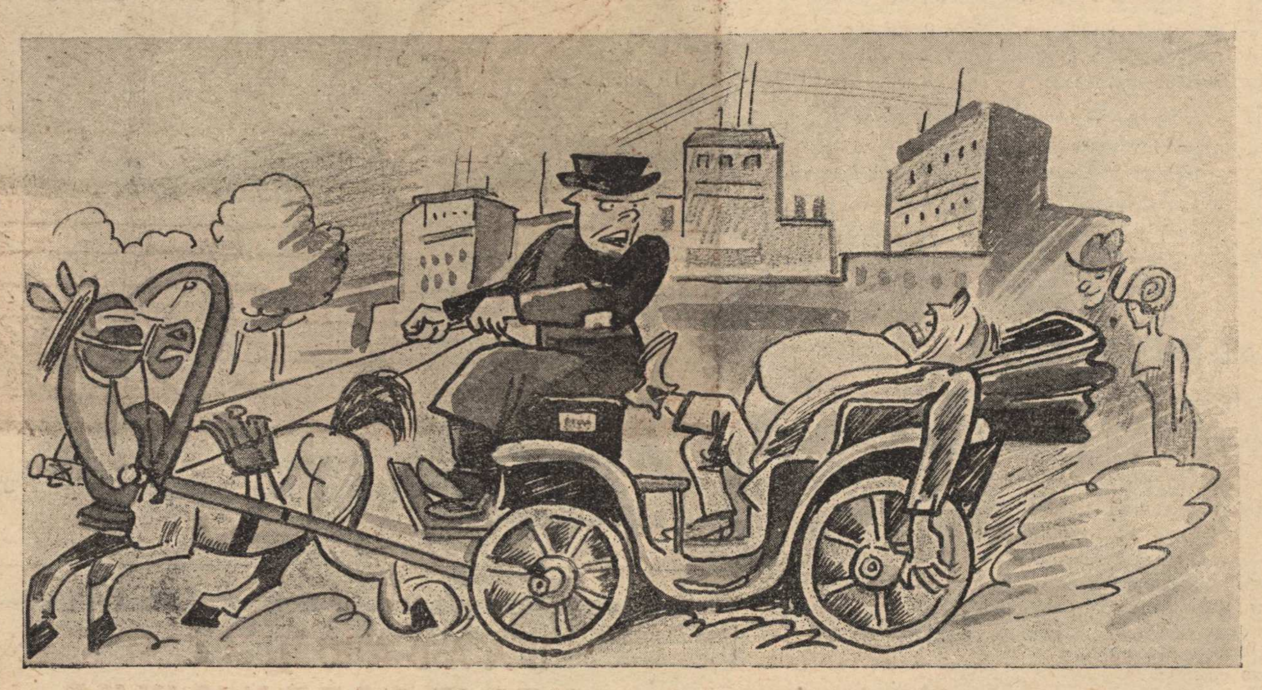
На Волге, оказывается, существуют два города: Сталинград и Царицын!

Еще Некрасов сказал: „Выдь на Волгу, чей стон раздается..." Это — стон тех многочисленных читателей, которым попался в руки номер „Прожектора" со статьею Эсбе!..

НЕ ОБИЖАЙТЕ ЖИВОТНЫХ!

Рис. А. Радакова

„Нужно соскоблить с человека скотскую коросту пьянства".
Из речи т. Бухарина

ИЗВОЗЧИК:—Ну, и надрызгался!.. Одно слово—скотина!

ЛОШАДЬ:—Будет вам зря болтать, гражданин извозчик! Когда же это вы меня видели в таком состоянии?..

СМЕХАЧИНА
№ 10

1. Кто первый в очереди?
2. Что идет быстрее: простая телеграмма, срочная или разложение богемы?
3. Почему у паровоза шесть колес, да и то опаздывает?
4. Куда ехать в отпуск?
5. Где жалобная книга?

Шлите ответы на „конкурс остряков", с указанием на конверте „СМЕХАЧИНА"

ЛУЧШИЕ ОТВЕТЫ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ

Премии за лучшие ответы в № будут об'явлены в № 23.

ЗАПАХЛО ВЫХОДНЫМ ПОСОБИЕМ

Рис. А. Радакова

ПРЕДТРЕСТА: — Товарищ бухгалтер! Какая же это самокритика, если вы утверждаете, что бухгалтерия не причем, а во всем виновато правление треста?

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

СМОЛЕНСКИЙ ОЛУХ

Тов. Анисимов занимал в Смоленске должность помощника начальника милиции.

Днем он разводил бюрократизм в милиции, по вечерам посещал рестораны и разводил сырость в своем милицейском организме.

Под всеми документами Анисимов подписывался механически, просматривая, в лучшем случае, лишь начало и конец бумаги.

Подчиненные Анисимова сыграли с ним такую шутку: они подсунули ему среди бумаг „отношение", которое он подмахнул, с содержанием оного, по обыкновению, не ознакомившись.

Вот текст этой бумаги, попавшей в Смоленскую контрольную комиссию:

„ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ, ЧТО Я ЕСТЬ И БЫЛ ОЛУХ И ЧТО В ПАРТИИ СОСТОЮ ДАБЫ ИМЕТЬ ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ, КАКОВОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ХЛЕБНОЙ КАРТОЧКОЙ И МАНДАТОМ НА ХОРОШИЕ МЕСТА С БОЛЬШИМ ОКЛАДОМ СОДЕРЖАНИЯ, ВСЛЕДСТВИИ ЧЕГО ЛЕНЮСЬ И НЕ ХОЧУ ЧИТАТЬ ДАВАЕМЫЕ МНЕ НА ПОДПИСЬ БУМАГИ..."

Вот это самокритика! А вы говорите...

СКОНЧАЛСЯ ВОПРЕКИ ПЛАНА

В Удомельском ВИК'е (Вышневолоцкий у.) засели работники сурьезные, изучающие не только законы рождения, но и устанавливающие правила распорядка для граждан, возымевших желание помереть.

Помирать неорганизованно строго воспрещается!

Каждый гражданин, заинтересованный в собственной смерти, должен предварительно зарегистрироваться в Удомельском ВИК'е и умереть в заранее установленном особым списком календарном порядке.

Что это так, видно из следующей справки:

Удомельский ВИК сообщает, что гражданин ст. Греблянка Дрондочкин, Тимофей Андреевич, умер седьмого февраля 1927 г., согласно списка УАО от третьего августа 1927 года.

Не понравился, видно, покойнику Дрондочкину бюрократизм и волокита, царящие в Удомельском ВИК'е, и решил он подложить ВИК'у свинью, а именно испустил последний вздох чуть ли не на полгода раньше срока, предусмотренного списком УАО.

Экий путанник и комбинатор, покойник Дрондочкин!

РОЖДЕННЫЙ ИЗ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕНЫ

В упомянутом Удомельском районе происходят невероятные чудеса,— хоть новое Евангелие пиши, тем более, что авторы „классического" нового завета — они же творцы классической „липы" — иерусалимские информаторы Марк, Лука и Матвей давно разоблачены и скомпрометированы.

Нам доставлена справка, выданная Удомельским Исполнительным комитетом.

Эта справка утверждает, что евангельские чудеса возможны будто-бы и в наши дни.

Удомельский Исполнительный Комитет...

Справка, свидетельствующая о рождении.

Выдана в том, что Васильев, Александр, родился без отца в 1926 г. шестого апреля (незаконнорожденный) от матери Васильевой.

За Предвика Зверев.

Неужели ВИК не привлечет незаконно-родившегося младенца к строгой ответственности за нарушение законов рождения?

Младенец-то, видать, „из молодых, да ранний": едва на свет появился, а уже нарушает порядки и законы, природой и Удомельским ВИК'ом установленные!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

КУРСК.— Мастерские.— Ключу.

РАБКОРАМ МЫ НЕ ОТВЕЧАЕМ В „ПОЧТОВОМ ЯЩИКЕ", А ВСТУПАЕМ В ЛИЧНУЮ ПЕРЕПИСКУ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИСЫЛАЕМОГО МАТЕРИАЛА. В „ПОЧТОВОМ ЯЩИКЕ" ПОЛУЧАЮТ ПО ЗАГРИВКУ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО БЕЗДЕЛЬНИКИ, ГРАФОМАНЫ, ПУСТОМЕЛИ И ЗАЛИХВАТСКИЕ ПАНЕЛЬНЫЕ ОСТРЯКИ.

ЛОЗОВАЯ.— Красавцу.

„Звать мою супругу — Вера.
Но, увы, она мегера!"

Личностью вашей супруги „Смехач" не интересуется. Но ваша физиономия не оставляет сомнений.

ТИФЛИС.— Прич.

Документами воспользуемся.

БОЛОГОЕ.— Нине Кулик.

„Я могу писать литературный фельетон по всем правилам: сначала вступление, потом изложение и, наконец, заключение."

Заключение писать вам не надо. Заключение мы сами напишем. Ваша „Любовная история" нам не подходит, да и... вам не к лицу!

Адрес конторы „СМЕХАЧА"
Москва, Солянка, 12.

Адрес редакции „СМЕХАЧА"
Москва, Тверская, 28.

Издатель — „Гудок". Адрес редакции: Москва, Тверская, 28. Отв. редактор — Н. И. Пирогов.
Главлит № А—13.954. Отп. в 7-й типографии „Искра Революции" Мосполиграфа. Москва Арбат, Филипповский пер., 13. Тираж 110.000.

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Рис. К. Ротова *Текст М. П.*

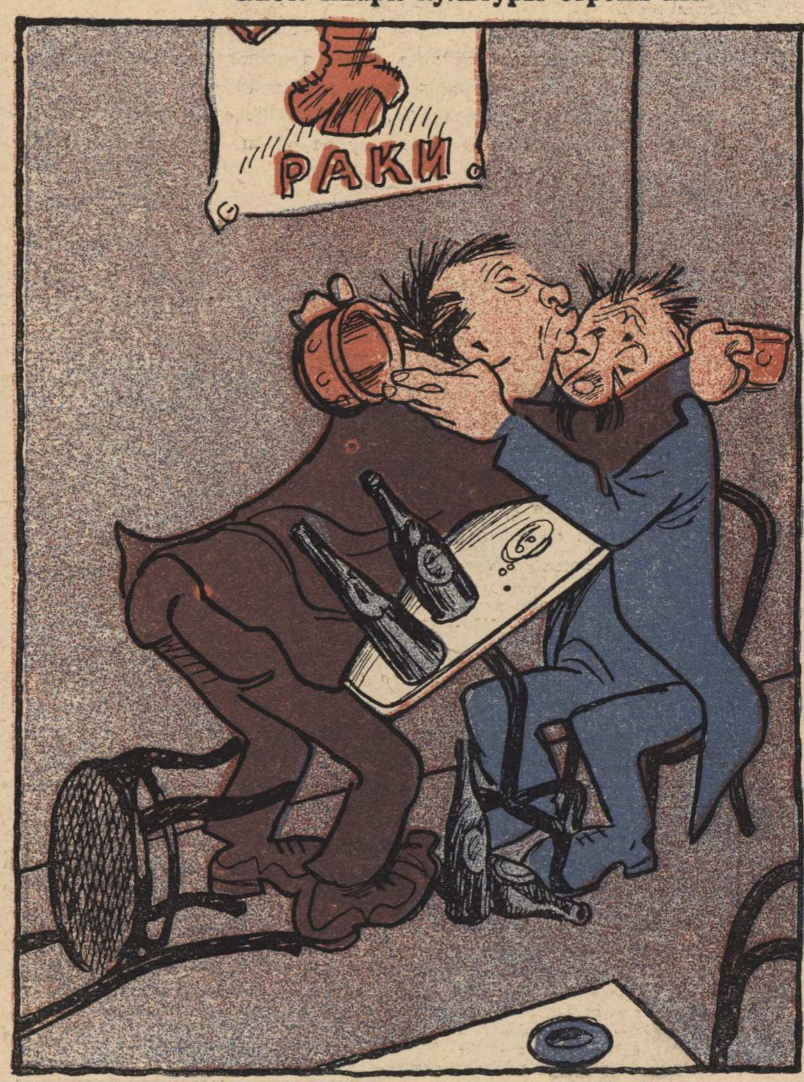
Четырехкопеечная накидка на литр пива пойдет на устройство парка культуры.

1. Друзей беседа льется живо
Средь моссельпромной кутерьмы:
— „Не гговвори: мы ддуем пиво!
Ннет! Ппарк культуры строим мы!“

2. —„Я, братец, дденег не жжалею...
Да, ммой характер прям и крут...
Я срочно ввыпью за аллею,
А ты, ммиляга, ппей—за пруд!..“

3. Трещат от чоканья стаканы,
Друзей все радужнее прыть:
— „Ты пей, рроднуша, за ффонтаны,
А я — за клумбы ббуду ппить!..“

4.—„Приятель ммой... не будем хмуры...
Что сокррушаться?.. Летним днем
Мы отдохнем в саду ккультуры,
Пока же—здесь... ммы... отддохнем!..“